

Features of collective action in modern Russia: dynamics, digitalization and results

A. V. Sokolov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-30-45](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-30-45)

Review

Full text in Russian

The article deal with the analysis of the phenomenon of collective action. A review of modern ideas about the features of collective action, mass action in politics is made. The great importance of collective identity in the process of organizing and implementing of collective actions is indicated. The network nature of modern collective actions and the significant influence of information and communication technologies in the process of their organization are noted.

To illustrate the features of collective action in Russia, the article presents the results of a longitudinal study of collective action conducted since 2014 by interviewing experts from various regions of the Russian Federation (annual sample of at least 14 Russian regions and at least 155 experts). The study allows us to identify the dynamics of the activity of collective actions, the features of their organization, the trends of cooperation, the intensity of protest actions.

The conclusion is made about the slowdown in the growth of civic activism and collective action. Relative growth is observed only in their manifestation on the Internet. There is a gradual decrease in the politicization of collective action and youth involvement in mass action. At the same time, the role of Internet tools in organizing politicized collective actions is increasing.

The article analyzes the actors of collective action. It is concluded that the development of the Internet is a factor contributing to the formation of wider coalitions in the process of organizing and carrying out of collective actions and the increasing activity of unregistered public associations. It is indicated that there is a tendency for the development of network characteristics of collective actions in modern Russia.

Keywords: collective action; Internet; protest; cooperation; civic activism

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sokolov Alexander V. | E-mail: alex8119@mail.ru
| Doctor of Sciences in Politics

Funding: RFBR, project 17-03-00132-OGN.

For citation: Sokolov A. V. Features of collective action in modern Russia: dynamics, digitalization and results // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 1. P. 30–45. (in Russ.)

Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты

А. В. Соколов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-30-45](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-30-45)
УДК 323.22/.28

Обзорная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу феномена коллективных действий. Делается обзор современных представлений об особенностях коллективных действий, массовых действий в политике. Указывается на большое значение коллективной идентичности в процессе организации и осуществления коллективных действий. Отмечается сетевой характер современных коллективных действий и значительное влияние информационно-коммуникационных технологий в процессе их организации.

Для иллюстрации особенностей коллективных действий в России в статье приводятся результаты лонгитюдного исследования коллективных действий, проводимого с 2014 года методом опроса экспертов из различных субъектов Российской Федерации (ежегодной выборкой не менее 14 субъектов Федерации и не менее 155 экспертов). Исследование позволяет выявлять динамику активности коллективных действий, особенности их организации, тенденции кооперации, интенсивность протестных действий.

Делается вывод о замедлении роста гражданской активности и коллективных действий. Относительный рост наблюдается лишь в их проявлении в интернете. Наблюдается постепенное снижение политизации коллективных действий и вовлеченности молодежи в массовые акции. При этом увеличивается роль интернет-инструментов в организации политизированных коллективных действий.

В статье анализируются акторы коллективных действий. Делается вывод о том, что развитие интернета является фактором, способствующим формированию более широких коалиций в процессе организации и осуществления коллективных действий, все большей активности незарегистрированных общественных объединений. Указывается, что наблюдается тенденция развития сетевых характеристик коллективных действий в современной России.

Ключевые слова: коллективные действия; Интернет; протест; кооперация; гражданская активность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соколов Александр Владимирович | E-mail: alex8119@mail.ru
Доктор политических наук, зав. кафедрой социально-политических теорий

Финансирование: РФФИ, проект № 17-03-00132-ОГН «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России».

Для цитирования: Соколов А. В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 30–45.

Введение

Протесты в Турции, Бразилии, Гонконге, «цветные революции», «Арабская весна», избирательная кампания Б. Обамы в США, различные выступления на постсоветском пространстве вновь ярко продемонстрировали значимость для общественно-политического пространства массовых коллективных действий граждан, а также значение современных коммуникационных технологий в процессе их организации и координации. Действуя сообща, индивиды способны достигать целей, недоступных для одного человека. Организованные и скоординированные действия помогли человечеству не только выжить как виду, но и создать развитые цивилизации и технологии. Можно утверждать, что совместная деятельность присуща самой природе человека, она порождает сложные социальные структуры и служит основанием развития социальных институтов во всех сферах жизнедеятельности социума.

Политическая сфера жизни общества также функционирует благодаря совместным действиям, а вовлечение больших масс людей в эту активность делает массовые коллективные действия значимым элементом современной политической реальности. Такие примеры коллективных действий, как забастовки, демонстрации, митинги, шествия, пикеты, петиции, интернет-активность, демонстрируют синергетический эффект, когда совместное действие отдельных частей значительно превышает эффективность деятельности той же совокупности разрозненных элементов. В коллективных действиях проявляются такие функции системы, как интеграция, организация, координация участников, генерация и распространение различной информации [1, с. 269–271], коммуникация, создание новых символических практик [2].

Все это позволяет определять коллективные действия как своеобразную систему организованных индивидуумов, входящих в структурированные группы, действующие в целях удовлетворения своих социально-политических интересов и направленные на изменения социально-политических практик, вызывающих недовольство со стороны населения [3].

Сущность коллективных действий

Один из ключевых вопросов в исследованиях коллективных действий в политике – это их природа и сущность. Ряд исследователей противопоставляет понятия массы и порядка в функционировании общества. Действительно, традиционно масса трактуется как неупорядоченная, неконтролируемая, хаотичная субстанция, подверженная иррациональным импульсам, насилию [4, с. 275–288] и состоящая, согласно подходу патопсихологии [5], в основном из маргиналов и девиантов.

В. Корнхаузер также описывал «массу» как большое неструктурированное количество людей, которые не встроены в какую-либо социальную группу, в том числе классы, а массовые движения приводят к беспорядкам и в итоге к разрушению государств [6, с. 14]. Другой исследователь – Е. Хоффер – отмечал такие мотивы участия индивидов в массовых действиях, как чувство бессилия, эгоизм и скука [7].

В целом с точки зрения исследователей середины XX века масса (фактически толпа) понималась как фактор деструкции, дезорганизации, дисбаланса и угрозы общественному функционированию [8, с. 47–66]. Как следствие, массовые протестные действия воспринимались как способ снизить напряжение в обществе, выплеснуть негативные эмоции толпы.

С конца XX века начинает проследиваться другой, менее оценочный подход к пониманию роли масс и коллективных движений [9, с. 1–17]. В его русле коллективное действие воспринимается не как следствие патологического поведения отдельных маргинальных индивидов, а как явление, порожаемое объективными обстоятельствами и субъективными позициями [10, с. 515].

Исследователи этого периода стали уделять большее внимание мотивационной составляющей участия индивидов в коллективных действиях. Так, М. Олсон [11] изучал корреляцию между коллективной активностью и заинтересованностью в защите своих интересов индивидуумов и групп граждан, а также определил проблему «безбилетника» – когда индивид, напрямую не вступая в активные коллективные действия (например, оценивая затраты), все же получает от них выгоду. Также исследователь, обращаясь к роли человека, отмечал, что отдельная личность может оказать влияние на общегрупповые представления только в том случае, если она вносит личный вклад в их развитие или несет издержки, связанные с ними.

Исследователь К. Д. Опп выявил, что отдельным индивидам свойственно переоценивать свое влияние, а оценка влияния каждого отдельного индивида в группе также может отличаться от действительности [12, с. 76–77].

В конце XX века исследователи обратились к объяснению еще более глубинных социально-психологических механизмов включения индивидов в коллективную деятельность – через новую категорию коллективной идентичности. Она понималась как идентификация, отождествление личности с определенной социальной общностью, что позволяло вывести закономерность – прямую корреляцию между количеством людей, идентифицирующих себя с группой, и их склонностью к отстаиванию интересов этой группы в протестной форме [13, с. 681–705]. Групповая идентичность – это также представление группы о самой себе и отделение ее от других социальных общностей. Идентичность может быть также описана как «место» индивида в обществе [14, с. 646–658], его положение в обществе относительно других по таким параметрам, как этническая принадлежность, социальный статус, профессия, пол, возраст и т. д. При этом социальная идентичность может быть представлена многими вариациями в зависимости от того, к каким общностям причисляет себя человек. Именно она и является фактором формирования группового или коллективного поведения [15, с. 6–34].

В то же время однозначного мнения по поводу того, что же первично – коллективные действия или коллективная идентичность, – у исследователей не выработалось. Одни авторы указывают, что коллективные действия способствуют выработке коллективной идентичности, исследования продемонстрировали, что протестные выступления помогают структуриации разрозненных индивидов и превращению толпы в организованную силу [16].

В исследованиях Саймона делается вывод о первопричинности коллективной идентичности [14, с. 646–658]. Другие исследователи – Б. Кландерманс и де Верд – не выявили прямой связи между идентификацией и участием, но предположили, что групповая идентификация формирует установку к участию в коллективных действиях [17, с. 1073–1095].

Таким образом, коллективная идентичность выступает в качестве ключевого фактора в формировании коллективного действия. Однако для воплощения коллективной идентичности в реальные действия на благо группы необходим ряд условий, в том числе наличие самой возможности (свободы) таких действий [18].

Таким образом, коллективная идентичность и коллективные действия могут быть описаны как замкнутая самовоспроизводящаяся система.

Еще одним важным вопросом о механизмах коллективных действий является их запланированность или спонтанность. Классическая концепция Дж. Мида позволяет интерпретировать коллективное поведение как систему, включающую в себя 4 подсистемы: импульс, восприятие, манипуляция и консумация (потребление и встраивание в модели поведения) [19]. Скорость протекания коллективных процессов может не оставлять индивидуумам достаточно времени на обдумывание, внося спонтанность в их активность. Х. Блюмер [20] отмечал, что коллективному действию по его природе присуща спонтанность, несвязанность с предварительными договоренностями, и только в процессе деятельности формируется координационный механизм.

К. МакФейл [21], Р. Тернер и Л. Киллиан [22], напротив, отмечали важность координации и организации для привлечения внимания общественности и мобилизации сторонников.

Д. Сноу и Д. Мосс отмечали, что спонтанность присуща всем этапам развития коллективных действий [23, с. 1125], хотя, как правило, власти законодательно стремятся ограничить возможности спонтанной, а значит, непредсказуемой и опасной для стабильности коллективной деятельности.

Указанными авторами было сформулировано также четыре условия, необходимых для спонтанных коллективных действий: сетевой принцип организации связей; неопределенные условия (отсутствие сценария действий), эмоциональная основа и опыт предыдущих действий; пространственные условия и ограничения.

Д. Сноу и Д. Мосс сделали заключение, что спонтанные действия могут изменить план действий и являться важнейшей причиной насильственной эскалации конфликта [Там же. С. 1137]. При этом спонтанность может быть более результативной, нежели спланированные протесты. Это ярко продемонстрировано событиями в Каире 25 января 2011 года.

Исследователь массового поведения Ле Бон утверждал, что отдельные индивиды, объединяясь для выражения недовольства, как бы растворяют свою индивидуальную идентичность в коллективной, поглощаются толпой [24]. Участие в коллективных действиях придает индивиду такую характеристику, как анонимность, что позволяет ему действовать менее ответственно, чем если бы он действовал в одиночку [25, с. 401–423]. В то же время Д. Нил отмечал, что это свойство человека в толпе – анонимность – может служить и препятствием к построению более устойчивых организационно-коммуникационных связей, необходимых для эффективных совместных действий [26, с. 93–107].

Понимание коллективных движений не просто как хаотичных действий «одухотворенной» толпы характерно для Ж. Рансиа. Он отмечает иное, нежели анонимность и безответственность, качество объединенных в большие группы индивидов – субъектность, под которой понимается осознание индивидом своих интересов и артикуляция в общественное пространство требований [27].

Остается открытым вопрос о формировании общности, совершающей коллективные действия: должны ли участники быть знакомыми между собой и иметь устойчивые социальные связи друг с другом [28, с. 96–99] или в эту активность могут вовлекаться не связанные между собой индивиды [29, с. 178–198].

Убедительные результаты М. Волстром и М. Веннерхэг продемонстрировали, что практически все участники коллективных действий (90 %) были ранее вовлечены в различные социальные группы другими участниками [30, с. 565–583]. И хотя процент «одиночек» может варьироваться от акции к акции, все же их число никогда не бывает доминирующим в коллективных действиях.

Процессы установления коммуникаций и организационно оформленных структур в коллективных действиях позволили ученым ввести понятие «сеть» [31, с. 1111–1113]. Сформированные межличностные сети, подкрепленные технологическими возможностями коммуникации внутри них, позволяют организовывать эффективную коллективную активность [32].

Сетевая теория отмечает более эффективную передачу информации и скорость распространения контента (идей), нежели в структурах, выстроенных по иерархическому принципу. Сеть позволяет структурировать отношения индивидов, выгоднее распределять ресурсы, обеспечивать массовость за счет различных медиаплатформ, укреплять саму организацию коллективных действий. Распространяемая с помощью социальных сетей информация служит мобилизирующим фактором коллективных действий, а виртуальная среда коммуникаций позволяет упрощать и ускорять процессы взаимодействий, делая массовые сетевые действия особенно эффективными, в том числе с точки зрения адаптации к изменяющимся внешним условиям.

Организация коллективного действия осуществляется через так называемые ключевые узлы коммуникации, которые выступают драйверами мобилизации новых участников движения [33, с. 386–401]. Также социальные сети являются фактором формирования и укрепления коллективных идентичностей.

Как отмечает З. Тафочи, интернет позволяет вовлекать в коллективные действия большое количество людей, ранее не связанных между собой [34, с. 202–208]. Таким образом, она утверждает, что современные средства коммуникации – неотъемлемый элемент современных коллективных действий [35].

Более того, Г. Брэди, С. Верба и К. Шлоzman предполагают, что существует положительная прямая корреляция между возможностью индивида влиять на политические процессы и использованием цифровых технологий [36, с. 271–294].

Методика исследования

С целью анализа организации и особенностей осуществления коллективных действий в современной России автором была проведена серия опросов экспертов в субъектах Российской Федерации. В 2014 году в исследование был включен 21 регион, в 2015 – 14, в 2017 – 15, 2018 – 14, в 2019 – 15 (таблица 1).

Для проведения опроса экспертов ежегодно отбиралось не менее 14 субъектов РФ. Репрезентативность выборки регионов обеспечивалась, исходя из принципа гетерогенности, по следующим критериям отбора:

- географическое положение;
- экономическое развитие региона;
- политическая система субъекта РФ;
- социальная и демографическая структура;
- этническая и религиозная структура региона;
- региональный политико-административный режим;
- территориальная принадлежность к определенному федеральному округу.

Распределение выборки исследования

Субъект Федерации	2014	2015	2017	2018	2019
Алтайский край	12	-	-	10	
Владимирская область	12	-	-		
Вологодская область	11	-	-		
Воронежская область	11	12	11	13	12
Иркутская область	14	11	10	11	10
Калининградская область	11	-	11	10	10
Кемеровская область				10	12
Кировская область	13	12	11		11
Костромская область	10	11	11	12	11
Краснодарский край	10	10	-		
Нижегородская область	10	-	-		
Новосибирская область	10	15	-		
Республика Адыгея	11	11	12		11
Республика Башкортостан	10	11	10	10	10
Республика Дагестан	12	13	11		13
Республика Карелия	11	-	-		
Республика Татарстан	10	10	10	11	12
Ростовская область	-	-	14	11	11
Самарская область	10	13	11	13	10
Саратовская область	12	14	14	13	
Ставропольский край	-	-	10	10	10
Ульяновская область	10	10	10	10	10
Хабаровская область	10	-	-		
Ярославская область	13	12	16	11	12
Всего	233	165	172	155	165

Реализация принципа гетерогенности при отборе регионов обеспечивала репрезентативность выборки размером в более чем 14 субъектах РФ.

В соответствии с методикой выбранные для исследования регионы входят в шесть федеральных округов: от Северо-Западного до Сибирского округа (не попали в выборку Уральский и Дальневосточный федеральные округа). Применение данного подхода для анализа гражданской активности позволяет распространять выводы настоящего исследования на страну в целом.

Центральным критерием отбора экспертов была компетентность, предполагающая:

- информированность о протестной активности в регионе;
- знание основных механизмов функционирования политической системы региона;
- вхождение в ту или иную региональную политическую элитную группу;
- опыт работы в сфере публичной политики и/или в органах государственной власти и местного самоуправления;
- знание основных акторов регионального политического процесса;
- знание политической конъюнктуры региона.

Главным критерием попадания в состав экспертов была осведомленность по изучаемой проблеме. Ресурсными группами выступили:

1. Представители органов власти. В этот сектор входят: сотрудники органов управления регионального уровня (исполнительных и законодательных), сотрудники государственных учреждений и организаций, сотрудники органов местного самоуправления и муниципальных учреждений и организаций.

2. Представители общественно-политической элиты, не занимающие постов в органах власти. В этот сектор входят: руководители региональных и местных отделений политических партий, руководители некоммерческих и общественных организаций, представители СМИ.

3. Экспертное сообщество. В этот сектор входят: представители профильных академических учреждений и не входящие в вышеуказанные структуры политические эксперты.

Каждая из целевых групп была представлена относительно равномерно в каждой из выборок (как в каждом субъекте Федерации, так и в выборке в целом): представители органов власти (примерно 35 % выборки), представители НКО и политических партий (примерно 30 %), представители экспертного сообщества (примерно 35 %).

Общее количество респондентов для опроса экспертов в каждом субъекте Российской Федерации составляло не менее 10 человек. Это позволяло получить репрезентативные данные о ситуации в регионе.

Кроме того, необходимо отметить, что уровень компетентности напрямую зависит также от степени вовлеченности экспертов в региональный политический процесс в том или ином статусе. Вышеуказанные статусные группы предполагают высокую вероятность того, что эксперт в значительной мере вовлечен в политический процесс в субъекте РФ.

Основное назначение экспертного опроса в рамках проведенного исследования заключалось в выявлении наиболее существенных, важных аспектов коллективных действий благодаря использованию знаний и опыта экспертов.

При стандартном порядке проведения респондент самостоятельно заполнял вопросник, высланный по электронной почте. В исключительных случаях опрос проводился по телефону.

Для опроса экспертов использовалась полужформализованная анкета и заочный письменный сбор данных.

Для обработки применялся статистический анализ данных в программном продукте SPSS. В ходе обработки применялся метод независимых характеристик.

Он позволял дать обобщенную оценку одного явления, информация о котором поступает от нескольких независимых экспертов. На первом этапе проходило сравнение и сопоставление разных мнений, на втором – обработка с помощью математико-статистических процедур, на третьем – формулировались выводы.

В ходе исследования эксперты оценили:

- степень развитости офлайн и онлайн гражданской активности в своем регионе;
- значимость гражданской активности;
- факторы, способствующие росту эффективности гражданских кампаний по отстаиванию прав граждан в своем регионе;
- основные проблемы в развитии гражданской активности;
- активность различных форм гражданских объединений;
- особенности кооперации гражданских объединений в коллективных действиях;
- протестную активность и степень ее влияния на общественно-политическую ситуацию в регионе;
- влияние активизации государства в сфере регулирования интернет-среды на гражданскую активность;
- реакцию власти на коллективные действия.

В результате в ходе исследований были выявлены не только характеристики онлайн и офлайн коллективных действий в современной России, но и динамика изменения данных показателей, а также их особенности в различных субъектах Российской Федерации.

Характеристики коллективных действий в России

По данным мониторингового исследования, в 2019 году общий уровень гражданской активности в субъектах Российской Федерации изменился незначительно, оставшись вблизи значения 2018 года – 5,60 балла (где «0» – отсутствие гражданской активности, «10» – масштабная гражданская активность). Впервые с начала реализации данного исследования, т. е. с 2014 года, многие эксперты отказались говорить об общем повышении социальной активности в российском обществе. Более того, относительная стабильность значения показателя оказалась возможна лишь благодаря росту интенсивности гражданской активности в сети Интернет (+0,30 п. за 2019 год), т. к. в реальной жизни она падает (-0,39 п. в 2019 году). Снижение социальной активности в офлайн происходит на фоне отмечаемого экспертами постепенного дистанцирования государства от её поддержки.

Из числа задействованных в исследовании 2019 года субъектов наиболее высоко общий уровень гражданской активности оценили эксперты из Ульяновской области (ср. значение – 9,05 балла), Костромской области (ср. значение – 6,74 балла), республики Дагестан (ср. значение – 6,19 балла) и Ярославской области (ср. значение – 6,14 балла). В этих субъектах высоко (относительно среднего значения за 2019 год) развита как офлайн, так и онлайн-активность. Наоборот, низкий уровень общего социального участия в 2019 году наблюдался в республике Адыгее (ср. значение – 4,04 балла) и Ставропольском крае (ср. значение – 4,05 балла).

Как отмечалось ранее, популярность интернета не является определяющим фактором развития социальной онлайн-активности. Результаты 2019 года в очеред-

ной раз доказывают данный вывод: в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов при уровне проникновения интернета более 80 % наблюдаются самые низкие экспертные оценки развития гражданской активности в сети.

Активизации государства в сфере регулирования интернет-среды влияет на общую динамику и содержание гражданской онлайн-активности, но также не является решающим фактором. Наиболее оптимистичны в данном вопросе эксперты – организаторы протестных акций в онлайн. Важно отметить, что степень влияния принимаемых государством мер по регулированию онлайн-контента на социальную активность в интернете варьируется в зависимости от региона. Таким образом, действительно одним из важных факторов, определяющих как динамику, так и содержание социальной онлайн-активности, является отношение к ней власти субъектов. Например, в субъектах с наиболее выраженной неприязнью или безразличием власти к онлайн-активности она развита хуже (Воронежская область, Кировская область, республика Татарстан, Ставропольский край, Кемеровская область. Исключение – республика Адыгея).

Наблюдаемый в 2019 году процесс ухода от проявлений «реальной» гражданской активности к «виртуальной» может свидетельствовать как о недоступности других механизмов реализации участия граждан в жизни общества (рост административных «барьеров»), так и о нежелании людей тратить сил больше, чем того требует нажатие кнопки на клавиатуре.

По данным исследования, гражданские активисты в России либо дистанцируются, либо не желают идентифицировать себя с лидером (лидерами). Эксперты уверены, что общественников, выбравших данную модель повеления по отношению к лидерам, за год стало больше (с 90,3 % до 94,5 %). В остальном за указанный период характер самоидентификации гражданских активистов не поменялся – тройственный: территориальный, ценностный, общностный. Как и в 2018, в 2019 году в своей деятельности они старались опираться на конкретные ценности и идеологию (30,1 %). Подобная самоидентификация характерна для Ярославской области, Калининградской области и республики Татарстан. Данный фактор самоидентификации гражданских активистов остается в оценочных суждениях экспертов наиболее сильным: средняя экспертная оценка составила 6,85 балла по 10-ти бальной шкале (где 1 – отсутствие влияния фактора, 10 – наиболее сильное). Каждый четвертый эксперт полагает, что гражданские активисты идентифицируют себя с определенной территорией (26,4 %). В 2019 году сила указанного фактора возросла и была оценена экспертами на 6,64 балла. Каждый пятый участник исследования в 2019 году полагал, что гражданские активисты идентифицируют себя только со своим объединением и своими единомышленниками. Данная форма идентификации особенно распространена в практике общественников Иркутской области и Ростовской области.

В 2018 году было обнаружено наличие серьезного недопонимания и даже противоречий самоидентификации между лидерами протестных акций и их рядовыми участниками. Подобное недопонимание остается актуальным и в 2019 году. Его суть заключается в том, что первые чаще идентифицируют себя с определенной идеологией и ценностями, а вторые – с определенной территорией, т. е. группой граждан одного микрорайона, района, города, региона.

Второй год подряд вопрос о политизации гражданской активности в субъектах Российской Федерации воспринимается экспертами неоднозначно: и в 2018 году и в 2019 году 80 % из них испытывали сомнения и не имели четкого ответа на него.

Таким образом, этот процесс сложен и неочевиден в связи с незначительностью влияния гражданских активистов на политические процессы в стране, а также с нежеланием многих из них раскрывать реальные цели своей деятельности. В целом, несмотря ни на что, динамика ответов экспертов указывает на то, что в 2019 году гражданская активность в стране была менее политизирована, чем в 2018 году, можно предположить, что в 2018 году подъем гражданской активности в политической сфере был сопряжен с выборами федерального и регионального уровней.

Согласно экспертному опросу в 2019 году:

- регионы с высоким уровнем политизации гражданской активности есть в каждом федеральном округе: республика Татарстан, республика Дагестан, республика Адыгея, Самарская область, Костромская область, Воронежская область, Ярославская область и Иркутская область;

- процесс политизации присутствует, но его роль в проявлении публичной активности граждан незначительна, прежде всего в Кемеровской области, Калининградской области;

- отсутствуют признаки политизации социальной активности в Ростовской области, Ставропольском крае, Ульяновской области и республике Башкортостан.

Согласно данным исследования, в 2019 году в целом по России снизился и уровень вовлечения молодежи в гражданскую активность. Если в 2018 году доля экспертов, указавших на рост активности молодых людей в социально-политической жизни общества, составляла 26,0 %, то в 2019 году – только 17,7 %. Возможно, причина в отсутствии выборов федерального и регионального уровня, т. к. в период предвыборных кампаний кандидаты и политические партии реализуют многие свои мероприятия с привлечением к организации/участию студентов, как правило, не на безвозмездной основе. Данная предвыборная практика может негативно влиять на развитие гражданского общества в целом, поскольку вполне возможно, что в будущем общественные действия молодежи будут направлены на получение материальной выгоды.

В 2019 году молодежь стала участником общественной деятельности в республике Адыгея, Воронежской области, республике Дагестан, Иркутской области и Ульяновской области.

Популярность гражданской активности в интернете среди жителей России способствует повышению роли её политической составляющей. Об этом говорят данные экспертного опроса. Эффект от использования интернета в политических целях заметен руководителям и рядовым участникам протестных/непротестных акций, а также простым наблюдателям. На данный момент влияние «виртуальной» политической активности на развитие общества особенно велико в республике Дагестан, Ярославской области, Иркутской области и Костромской области. И только содержательный, структурный анализ политической активности в интернете позволит выявить причины её успешности в данных регионах.

Результативность гражданских кампаний по отстаиванию прав граждан зависит от множества факторов. На протяжении трёх последних лет самыми важными для России экспертами признаются следующие факторы: «поддержка со стороны СМИ, блогеров, интернет-сообщества» и «широкая поддержка со стороны населения или больших социальных групп». При этом в 2019 году их значимость усилилась. Интересно, что организаторы непротестных офлайн и онлайн-акций их эффективность

ставят в зависимость от информационного сопровождения, в то время как протестных акций – от массовости (числа сторонников). Такой фактор, как «поддержка со стороны федеральных властных структур», наоборот, теряет свою значимость для гражданских активистов. Тем не менее он остается значимым в Кемеровской области, Ставропольском крае, Костромской и Кировской областях.

Как уже было отмечено, формы реакции государства на различные проявления активности общественных организаций и гражданских активистов оказывают влияние на динамику и содержание гражданской активности в офлайн и онлайн-среде. Динамика экспертных ответов на соответствующий вопрос выявила существенные признаки изменения отношения государства к проявлениям социальной активности. Если еще три года назад государство мотивировало и активно поддерживало участие граждан в решении существующих проблем, то сегодня всё чаще это заставляет опасаться гражданской активности и менять модель поведения с поддержки на противодействие или игнорирование. Отметим, что описанные тенденции являются общими для страны в целом, каждый отдельный субъект имеет свою специфику.

В 2019 году, по мнению экспертов, наибольшую активность в России проявляли формально не зарегистрированные объединения граждан (например, локальные группы, общественные движения, интернет-сообщества и т. п.). Подобная ситуация наблюдается впервые и связана с ростом популярности гражданской онлайн-активности. Отчасти она схожа с 2015 годом, когда зарегистрированные и незарегистрированные общественные объединения приложили равные усилия по мобилизации своей деятельности на фоне событий «Крымской весны 2014 года». В 2019 году деятельность незарегистрированных объединений граждан была наиболее заметна в республике Дагестан, Калининградской области и Кемеровской области. Официально зарегистрированные объединения в 2019 году, по мнению экспертов, несколько реже проявляли активность, чем незарегистрированные. Кроме того, после 2017 года они становятся всё более пассивными.

В 2019 году общественники прибегали к созданию коалиций так же часто, как и в 2018 году. С каждым годом они становятся более многочисленными, и прошедший год не стал исключением. Несмотря на это, малочисленные коалиции – не более 6 партнеров – продолжают преобладать в среде гражданских активистов.

Организаторы протестных и непротестных массовых публичных акций, независимо от выбора формы её проведения (офлайн или онлайн), по-разному относятся к созданию коалиций. Первые стараются найти сторонников и заручиться поддержкой максимального числа активистов, в то время как вторые предпочитают ограничиваться 2–6 партнерами.

Традиционно самыми важными принципами функционирования кооперации общественных организаций и гражданских активистов экспертами признаются наличие общего интереса (цели), добровольный характер. Постепенно возрастает роль системы внешней коммуникации. В целом эксперты высоко оценили значимость всех представленных в исследовании общепринятых правил кооперации, будь то вопросы финансирования, открытости, равноправия и т. п.

Значения экспертных оценок протестных действий, полученные в 2019 году, незначительно отличаются от данных 2018 года. Средний уровень активности протестных действий россиян в 2019 году эксперты оценили на 0,03 п. ниже, и в результате он составил 1,80 балла (от -5 до 5, где «-5» – протестная активность отсутствует,

«5» – масштабная протестная активность). Если отдельно говорить о формах проведения протестов, то, как и в 2018 году, онлайн-участие (средняя экспертная оценка = 2,07 балла) было предпочтительнее офлайн (=1,53 балла). Высокая офлайн и онлайн протестная активность в 2019 году наблюдалась в Иркутской области, Костромской области, Воронежской области, республике Дагестан и Кемеровской области.

В качестве основных причин протестов онлайн и офлайн экспертами чаще всего назывались «частные (локальные) проблемы», «нарушение политических прав, в том числе недовольство конкретными политическими руководителями» и «нарушение экономических прав граждан».

Эксперты признают, что организаторы онлайн и офлайн-протестов всё чаще ориентируются на интересы населения региона. Тем не менее их влияние на общественно-политическую ситуацию в регионе по-прежнему минимально, хоть и со знаком плюс (способствуют стабилизации). Возможно, именно по этой причине, а также из-за их малочисленности власти субъектов не противодействуют им и в то же время редко идут на сотрудничество с протестующими. По мнению экспертов, тот небольшой шаг к взаимодействию с протестующими региональные органы власти делают преимущественно из-за страха дестабилизации ситуации.

Выводы

Таким образом, обзор источников по проблемам коллективных протестных действий позволяет сделать вывод, что, несмотря на разницу в понимании и описании механизмов коллективных действий, авторы единодушны в признании их эффективности как метода защиты гражданами своих интересов. Практика современных протестных движений демонстрирует все большую распространенность и масштаб коллективных действий. Исследователи связывают это с новыми возможностями организации и координации совместной деятельности с помощью современных информационно-коммуникационных технологий, значительно упрощающих и ускоряющих обмен информацией в социальных сетях.

Анализ исследований коллективных действий позволил выделить два противоположных подхода к их пониманию: как аффективное девиантное поведение и как поведение рациональное, направленное на артикуляцию и отстаивание своих прав и интересов объединенными в большие группы индивидами.

Исследователи сходятся во мнении, что системообразующим элементом в коллективных действиях выступает коллективная идентичность, понимаемая как чувство общности, сопричастности индивида с данной группой и восприятие ее ценностей и интересов как собственных.

При этом сетевая организация между индивидами, обеспечиваемая современными ИКТ, позволяет интенсифицировать коммуникацию, организацию и координацию совместных действий, а также формировать коллективную идентичность.

Также исследователи отмечают, что коллективные действия в условиях неоднозначности ситуации, отсутствия иерархически выстроенных управленческих связей и наличия эмоциональной окраски событий приобретают такое качество, как спонтанность, которое зачастую способствует повышению эффективности протестных действий.

Анализ организации и осуществления коллективных действий в современной России позволяет говорить о том, что гражданская активность выстраивается с учетом множества факторов: развития социальных институтов, установленных правил и норм, модных тенденции и т. д., в том числе с учетом развития техники и технологий. Появление сети Интернет, виртуальной реальности привело не только к расширению возможностей проявления гражданской активности, организации коллективных действий, но и в целом к их глубинной трансформации – дифференциации на общественно-политическую активность в сети и реальной жизни. И если до последнего времени их развитие в России шло равномерно и сонаправленно, то в последний год ситуация несколько изменилась. На фоне поступательного роста популярности социальной активности в сети Интернет наблюдается снижение интенсивности её проявлений в реальном мире. При этом абсолютное большинство экспертов уверены в том, что сегодня ни одна акция гражданской активности не обходится без интернет-технологий, т. е. они находятся в определенной зависимости от данного средства коммуникации.

Можно говорить о подмене реальной активности онлайн-действиями. При этом государство вынуждено реагировать на подобные изменения и активизируется в направлении регулирования различных форм деятельности в интернете.

Наблюдается постепенное снижение политизации коллективных действий и вовлеченности молодежи в массовые акции. Вероятно, это связано с тем, что в 2017–2018 годах значительное влияние оказывали предвыборные кампании. При этом увеличивается роль интернет-инструментов в организации политизированных коллективных действий.

Можно предполагать, что развитие интернета является фактором, способствующим формированию более широких коалиций в процессе организации и осуществления коллективных действий, все большей активности незарегистрированных общественных объединений. В связи с этим можно делать вывод о постепенном развитии сетевых характеристик коллективных действий в современной России.

Ссылки / References

1. Della Porta D. Comment on organizing in the crowd // *Information, Communication & Society*. 2014. Vol. 17. № 2. P. 269–271.
2. McAdam D., McCarthy J. D., Zald M. N. *Comparative Perspectives and Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing*. New York: Cambridge University Press, 1996.
3. Medina L. F. *A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2007.
4. Drury J., Stott C. Contextualising the crowd in contemporary social science // *Contemporary Social Science*. 2011. № 6. P. 275–288.
5. McAdam D. Beyond structural analysis: Toward a more dynamic understanding of social movements // Dian M., McAdam D. (Eds.) *Social movements and networks: Relational approaches to collective action*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 281–298.
6. Kornhauser W. *The politics of mass society*. Glencoe, IL: Free Press, 1959.
7. Hoffer E. *The true believer*. New York: HarperCollins, 1951.

8. Buechler S. M. The strange career of strain and breakdown theories // Snow D. A., Soule S. A., Kriesi H. (Eds.). *The Blackwell companion to social movements*. Malden, MA: Blackwell, 2004. P. 47–66.
9. Stryker S., Owens T. J., White R. W. *Social psychology and social movements: Cloudy past and bright future* // Stryker S., Owens T. J., White R. W. (Eds.) *Self, identity, and social movements*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. P. 1–17.
10. Brandstatter H., Opp K.-D. Personality Traits («Big Five») and the Propensity to Political Protest: Alternative Models // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. № 4. P. 515–537.
11. Olson M. *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
12. Opp K.-D. Collective identity, rationality and collective political action // *Rationality and Society*. 2012. № 24 (1). P. 73–105.
13. Stürmer S., Simon B. Pathways to collective protest: Calculation, identification, or emotion? A critical analysis of the role of group-based anger in social movement participation // *Journal of Social Issues*. 2009. № 65 (4). P. 681–705.
14. Collective identity and social movement participation / B. Simon, M. Loewy, S. Stürmer, U. Weber, C. Kampmeier, P. Freytag, C. Habig, P. Spahlinger // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. № 74. P. 646–658.
15. Turner J. C. Some current themes in research on social identity and self-categorization theories // Ellemers N., Spears R., Doosje B. (Eds) *Social Identity: Context, Commitment, Content*. Oxford: Blackwell, 1999. P. 6–34.
16. Drury J., Reicher S., Stott C. Shifting boundaries of collective identity: Intergroup context and social category change in an anti-roads protest // *British Psychological Society Social Psychology Section Conference*. University of Surrey. Unpublished paper. 1999. URL: https://www.academia.edu/16628085/Shifting_boundaries_of_collective_identity_Intergroup_context_and_social_category_change_in_an_anti-roads_protest (дата обращения: 02.09.2018).
17. De Weerd M., Klandermans B. Group identification and social protest: Farmer's protest in the Netherlands // *European Journal of Social Psychology*. 1999. № 29. P. 1073–1095.
18. Fishbein M., Ajzen I. *Belief, attitude, intention and behaviour*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975.
19. Mead G. H. *The Philosophy of the Act*, edited by C. W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1938.
20. Blumer H. *Collective Behavior* // *Principles of Sociology*. Edited by A. McClung Lee. New York: Barnes & Noble, 1972. P. 65–121.
21. McPhail C. Blumer's theory of collective behavior // *Sociological Quarterly*. 1989. № 30 (3). P. 401–423.
22. Turner R. H., Killian L. *Collective Behavior*. 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1987.
23. Snow D., Moss D. Protest on the Fly: Toward a Theory of Spontaneity in the Dynamics of Protest and Social Movements // *American Sociological Review*. 2014. Vol. 79 (6). P. 1122–1143.

24. Le Bon G. *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Kitchener, ONT: Batoche Books, 2001.
25. McPhail C. *The Myth of the Madding Crowd*. New York: Aldine De Gruyter, 1991.
26. Neil D. M. A further examination of anonymity, contagion, and deindividuation in crowd and collective behavior // *Sociological Focus*. 1993. № 26 (2). P. 93–107.
27. Ranciere J. *Disagreement: Politics and Philosophy*, translated by J. Rose. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1999.
28. Aveni A. F. The not-so-lonely crowd: Friendship groups in collective behavior // *Sociometry*. 1977. № 40 (1). P. 96–99.
29. Blumer H. Elementary collective groupings // In: McClung LA (ed.) *Principles of Sociology*. New York: Barnes and Noble, 1946. P. 178–198.
30. Wahlstrom M., Wennerhag M. Alone in the crowd: Lone protesters in Western European demonstrations // *International Sociology*. 2014. Vol. 29 (6). P. 565–583.
31. Heijden H.-A. Environmental networks and social movement theory // *Environmental Politics*. 2014. № 23 (6). P. 1111–1113.
32. Bennett L., Segerberg A. *The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
33. Diani M. Social Movement Networks Virtual and Real // *Information, Communication and Society*. 2000. № 3. P. 386–401.
34. Tufekci Z. The Medium and the Movement: Digital Tools, Social Movement Politics, and the End of the Free Rider Problem // *Policy & Internet*. 2014. Vol. 6. Issue 2. P. 202–208.
35. Tufekci Z. Capabilities of Movements and Affordances of Digital Media: Paradoxes of Empowerment. *DMLCentral*. 2014. URL: <https://dmlcentral.net/capabilities-of-movements-and-affordances-of-digital-media-paradoxes-of-empowerment/> (дата обращения: 02.09.2017).
36. Brady H., Verba S., Schlozman K. L. Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation // *American Political Science Review*. 1995. № 89. № 2. P. 271–294.